

Санкт-Петербургский государственный университет
Философский факультет
Центр феноменологии и герменевтики

АНАЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ОБЗОР

Тема: **Время, память, рефлексия в феноменологии
и современной когнитивной науке**
Исполнитель: *Т. В. Литвин*
Номер проекта: **23.23.1417.2011**

Целью предлагаемого исследования является последовательное освещение современной ситуации междисциплинарного анализа проблемы времени на примере синтеза феноменологии и когнитивных наук. Проблема времени традиционно считается одной из фундаментальных в изучении человека и природы, являясь для философии основой не только анализа сознания, но и представления о субъекте как такового. Кроме общетеоретической значимости для проработки собственных оснований, философский анализ времени имеет и иное применение — эпистемология темпоральности находится на границе исследовательских интересов других наук и методов изучения человека. Научное объяснение времени, прежде всего, в истории физики, еще начиная с Аристотеля находит свое подтверждение в философских теориях, и наоборот, разработка категориального аппарата и языка описания встраиваются в естественнонаучные исследования. Таким образом, проблема времени традиционно существовала сразу в нескольких методологических измерениях — и как часть метафизики и антропологии, включая интуитивизм и теологические доктрины, и как часть физической картины мира, построенной сугубо на естественнонаучных принципах. Исследовательская ситуация конца двадцатого — начала двадцать первого веков во многом отражает данную традицию, обнаруживая междисциплинарный потенциал проблемы времени на новых основаниях. Одной из наиболее влиятельных в теории познания времени остается феноменологическая концепция Гуссерля, которая получает свое осмысление в методике когнитивного анализа.

Данный обзор тематически разделен на три части, в соответствии с поставленными задачами. Первая часть посвящена основаниям, на которых возможен синтез феноменологии и когнитивистики, и освящает методологические разработки по данному вопросу. Вторая часть посвящена непосредственным результатам данного синтеза, а именно тем идеям, которые возникают на пересечении анализируемых подходов, включая критику. В данном случае, проблемы памяти и рефлексии рассматриваются как часть постановки вопроса о времени, поскольку чаще всего в работах авторов анализируются в рамках той же методологии. Важно однако, что структура и характер рефлексии, а также функции памяти демонстрируют более глубокие слои данной проблематики, являясь своего рода индикаторами для возникающих противоречий. Третья часть обзора посвящена сопоставлению зарубежных и отечественных исследований по данной тематике, а также возможным выводам об особенностях и потенциале междисциплинарных исследований времени, — в частности, выявлены основные тенденции и принципы их осуществления.

Часть I. Синтез феноменологии и когнитивистики. Общие положения

Систематичное изложение принципов диалога между феноменологическим методом и когнитивными исследованиями мы находим в монографии Шона Галлахера и Дэна Захави «Феноменологическое сознание: Введение в философию сознания и когнитивные науки». Авторы исследования подчеркивают, что синтез философии с другими науками вполне логичен там, где речь идет об анализе сознания (mind). Когнитивная психология, нейронаука, аналитическая философия и психопатология объединяются для изучения процессов мышления и функций мозговой деятельности, будучи поставленными перед схожими задачами в течении всего двадцатого века. Количественные исследования мыслительных процессов дают апробированный материал и применимы для широкого спектра прикладных задач. Как в данной ситуации философии сознания остаться в рамках философии, сохранить те «чистые» принципы, которым наука обязана своим развитием? Авторы принимают в качестве основы для всех направлений и связующего звена для разнородных методик именно феноменологический метод Гуссерля, — благодаря ему теоретико-познавательный потенциал анализа сознания реализуется в своей целостности, а не как разнонаправленные количественные изыскания. Исторический обзор также подтверждает правомерность данной позиции — во всех полемиках о проблеме сознания двадцатого века теория Гуссерля занимала не последнее место — и для школы Ф. Brentano, и для когнитивной психологии, начиная с Г.Т. Фехнера, и в сопоставлении с У. Джеймсом [1,2].

Во второй части монографии, посвященной разбору методологических принципов, авторы воспроизводят важную, если не основную трудность в изучении сознания — проблему интроспекции. Интроспективное описание феноменов сознания, анализ «от первого лица», противопоставлен в изучении сознания анализу «от третьего лица», объективной позиции наблюдателя. Различие между данными двумя способами, в известной степени задающее традицию различия сознания и телесности (mind-body problem) [1,14], как правило, решается в пользу второго способа, как более научного. Однако для феноменологии интроспекция является источником вполне доказуемых данных и связана с самими принципами феноменологического метода. Как возможен компромисс между двумя способами анализа? Позиция от третьего лица как принцип верификации был сформирован в экспериментальной психологии, точнее, в бихевиоризме, благодаря которому экспериментальная проверка данных стала основой изучения поведения человека. Однако мнение авторов монографии состоит в том, что интроспективность на деле является частью любого эксперимента, в котором необходима некая ответная реакция (report) субъекта [1,15]. Так, перспектива «от первого лица» встроена в опыт субъекта, находящегося в условиях стимула с последующей реакцией (например: «Нажмите на кнопку, когда загорится световой индикатор»), поскольку ответ на стимул зависит от факта распознавания («свет горит») и собственного опыта («что такое свет»). В эксперименте, направленном на изучение сознания, роль интроспекции еще более возрастает, поскольку мы наблюдаем еще большее количество очевидных до-рефлексивных элементов опыта. Сложность в данном рассмотрении вносит та терминологическая неопределенность, которая и в философии, и в психологии касается различий между сообщаемыми данными и качественными характеристиками опыта. Субъективность данных, как наиболее характерный упрек в сторону интроспекции, исходит из расплывчатости критериев того, что именно считается объективными данными опыта. Хорошим примером примирения эмпирических стратегий является гетерофеноменология¹ Д. Деннета, в которой «перспектива от третьего лица» встроена с интроспективной точностью. По Деннету, сами суждения (reports) субъекта об опыте сознания являются первичными данными для исследования, суждения не есть сообщения о данных, а есть сами данные [1,17]. Такая нейтральность имеет и иную сторону, — фактически гетерофеноменология изучает не феномены сознания как таковые, а опыт суждений, мнений и убеждений (beliefs), которые и составляют человеческое

---

¹ Термин, впервые введенный Франциско Варела.

представление об опыте сознания. Судя по всему, «перспектива от третьего лица» также не может быть до конца объективной, поскольку наблюдатель никогда не бывает до конца нейтральным, — иначе он был бы чистой фантазией, что возвращает нас к интроспекции.

В свою очередь феноменология, как метод, базирующийся на интроспекции, представляет собой отнюдь не следование чистой фантазии — авторы подробно объясняют суть феноменологии, с опорой на «Логические исследования» Э. Гуссерля и «Феноменологию восприятия» М. Мерло-Понти. — Процедура редукции, определяемая характер феноменологического анализа, эпохе, интерсубъективная верификация и целенаправленность феноменологии не на каузальные связи предметов природного мира, а на то, как эти предметы даны сознанию — все это демонстрирует структуру «перспективы от первого лица». Возможность «натурализации» феноменологии, предлагаемая авторами, напрямую зависит от того смысла, который может быть вложен в само понятие и осуществляться двумя способами. В первом случае, если под феноменологией подразумевать новое понимание опыта как такового, то натурализация может состоять именно в натурализации опыта, например, в отождествлении опыта с процессами мозговой деятельности. Во втором случае, если феноменология понимается как традиция и метод, то натурализация возможна в более широком спектре вопросов, например, как эмпирический анализ феноменов в качестве части природного мира. Иными словами, проект Гуссерля, нацеленный на создание чистой науки о сознании, не противоречит «натурализованной» эпистемологии, а вполне сочетается с ней, как считают Галлахер и Захави [1, 29-31]. Методологический вывод, который они делают, опираясь на современные исследования Э. Марбаха, Ф.Варела, Ж.-М. Роя и Ж.Петито, заключается в возможности синтеза основанных на феноменологии выводов и эмпирического анализа. Именно так осуществимо в строгом смысле научное исследование работы сознания, позволяющее избежать как иллюзии объективизма, так и погрешностей «перспективы от первого лица» [1, 40]. Данная идея развивается авторами в описании самосознания, восприятия, телесности, и наконец, опыта времени. В случае с последним, эмпирической верификацией оказываются исследования памяти, указывающие на фундированность опыта и идентичности субъекта временной формой — так, хорошей иллюстрацией являются расстройства памяти [1, 70-71]. Сознание времени по Гуссерлю, как необъективированная, дорефлексивная структура самосознания, с когнитивистских позиций выглядит как самоорганизующаяся динамическая система. Схема «ретенция — первичная импрессия — протенция» расценивается как одна из линеек длительности, а историчность — как внутренний нарратив, обусловленный памятью темпоральный синтез. Естественно, что нарратив является не только биологической основой самосознания, но и первичным актом осознанной социальности.

Систематичное исследование проблемы интроспекции и перспективы «от первого лица» мы находим в монографии Дэна Захави «Субъективность и индивидуальность. Исследование перспективы от первого лица». Автор задается вопросом о фундаменте формирования самосознания, учитывая опыт философии и других наук о человеке. Нет сомнения в том, что проблема человека остается центральной для всего гуманитарного знания, но, парадоксальным образом, не существует единственного ответа на вопрос — что есть Я. Понятие субъекта и в когнитивной психологии скорее конструируется из данных эмпирического анализа, как если бы несущественным оказалась разница между понятиями субъективности и самости, индивидуальности и самосознания, эго, восприятия себя, собственного опыта. Для того чтобы в правильном ракурсе увидеть и описать все перипетии внутренней структуры субъективности, Захави выбирает феноменологический метод, однако со ссылками на аналогичные идеи философии сознания (philosophy of mind) и когнитивных исследований. Автор суммирует опыт работы над проблемой сознания в детской психологии, психиатрии и нейронауке для наглядной иллюстрации механизмов идентификации и развития представлений о собственном Эго, — примером дисбаланса в структуре является проблема аутизма.

В работе последовательно рассматривается феноменологическая концепция сознания, с опорой на «Логические исследования» Гуссерля, в сопоставлении с понятием самосознания у Сартра и других исследователей. Представлены особенности понимания Гуссерлем проблемы

субъекта и интроспекции, различия между психологическим представлением об опыте и феноменологическим. В частности, автор отмечает, что термин «эго» зачастую употребляется у Гуссерля либо как эквивалент эмпирического субъекта, либо как синоним «потока сознания», как опыт в своей тотальности [11, 33]. Соответственно, в отличие от других типов интроспекции, в феноменологии опыт эго не дан изначально, но есть результат рефлексии [11, 36]. Разбирая специфику феноменологической рефлексии и связанное с ней понятие трансцендентального эго, Захави анализирует методическую роль интересубъективности как части самосознания. Рефлексия включает в себя объективацию Другого, «интериоризацию» опыта распознавания Другого для опыта идентификации и осознания себя. «Самость» не существует без проекции на социальный опыт, внутренняя «друговость» необходима для само-трансцендирования, для объективации себя и идентичности Я как Я, — в «оригинальном взаимном (gesirgosal) со-существовании» [11, 173].

Опыт времени также рассматривается исходя из феноменологического прочтения, темпоральная схема «протенция — первичная импрессия — ретенция» раскрывает внутреннюю структуру как рефлексии, так и до-рефлексивного самосознания [11, 55-56]. Структура сознания времени, как подчеркивает Захави, не только позволяет понять механизмы осознания протяженных во времени объектов, но, прежде всего, темпоральную само-данность сознания как такового. С точки зрения анализа субъекта важен именно уровень актов, как называет их в манускриптах Бернау Гуссерль, предметность акта². Захави указывает на особенности работ Гуссерля периода 1917-1918 годов (собранных в тридцать третьем томе), по сравнению с ранними лекциями (десятого тома) — интенциональный опыт имманентных темпоральных объектов понимается как опыт рефлексии, на до-рефлексивном уровне речь не идет об объектах [11, 64]. Внутреннее сознание времени, акты сознания являются до-рефлексивным самосознанием абсолютного потока. — Субъективность есть, таким образом, само-темпорализация [11, 66]. Время является, тем самым, внутренней структурой субъекта, дифференцированной и артикулированной именно посредством рефлексии, не существуя как объект вне субъективного опыта.

Рассматривая перспективы дискуссии о природе субъективности, Захави указывает на те возможные точки пересечения, в которых феноменологические выводы могут быть подтверждены иными способами анализа. Он предлагает два понятия самости (self), которые позволяют классифицировать подходы к изучению субъекта. Первое — самость как нарративная конструкция (Рикер, МакИнтайер, Деннетт), как продукт нарративно структурированной жизни [11, 107]. Второе — самость как измерение опыта (experiential dimension), необходимо включающее в себя перспективу от первого лица и возможность изменчивости (Гуссерль, Анри), как инвариантное измерение многообразия меняющихся видов опыта. Оба понятия практически применимы в эмпирических исследованиях, однако более фундаментальным и, тем самым, эффективным оказывается второе. Так, автор приводит данные по работе с патологиями, связанных с функциями сознания и самосознания, в частности, с шизофренией и аутизмом. В случае с шизофренией применимо именно второе понятие самости, то есть феноменологический концепт [11, 134], в котором возможен анализ дифференциации рефлексивности, включая до-рефлексивный слой и нарушения, известные как явления гиперрефлексивности. Что касается аутизма, которому посвящена одна из последних частей монографии, то автор считает феноменологическую концепцию более перспективной, чем распространенный в «теории-теории» сознания принцип объяснения нарушений в социальном познании. Феноменология позволяет объяснить саму природу интересубъективности, телесность, ощущение самости иначе, чем в бихевиоризме, что позволило бы глубже проанализировать причины и механизмы аутизма, так же как и других патологий.

Подобную идею высказывает и один из авторов коллективной монографии «*Натурализация феноменологии*» Тим ван Гельдер [4]. В главе «*Деревянное железо? Феноменология Гуссерля встречается с когнитивной наукой*» он рассматривает результаты анализа сознания

---

² Hua XXXIII. S. 107-109.

темпорального объекта у Гуссерля и в когнитивистике, несмотря на диаметрально противоположные цели обоих направлений. По мнению ван Гельдера, парадокс в восприятии темпорального объекта, решаемый Гуссерлем в полемике с Алексиусом Майнонгом, состоит в трудности охватить все три модуса времени одним актом сознания [4, 247]. Например, в восприятии мелодии мы идентифицируем последовательность как целостную и непрерывную, а не как сумму отрывков, и не нуждаемся для этого в том, чтобы дослушать ее до конца. Каждая моментальная фаза существует одновременно как восприятие целостности потока. — Именно это позволяет говорить о том, что сознание времени — это акт в настоящем (точнее, само настоящее, интенция), включающий в себя прошлое (ретенцию) и будущее (протенцию).

Ван Гельдер делает акцент именно на свойствах темпорального объекта, а не акта, сопоставляя Гуссерля с когнитивными исследованиями. Он справедливо указывает, что в последних вряд ли речь идет о сознании времени. Скорее эмпирические способы регистрации данных направлены на процесс распознавания аудиальных моделей, типичным примером которых является восприятие мелодии [4, 251]. Существует как минимум два основных метода — динамический и метод компьютерного моделирования. Возникший в 50-60-е годы метод компьютерного моделирования направлен на разработку символического кодирования аудиальной информации посредством алгоритмов распознавания. — Поступающий сигнал кодируется и анализируется, под распознаванием понимается машинный способ фиксации и обработки аудиальных данных. Динамический же метод также нацелен на распознавание аудиальных паттернов, однако исходит из иного алгоритма. Динамическая система — это набор элементов, существующих взаимосвязано во времени, типичным примером динамической системы является солнечная система. В когнитивных науках система, как правило, представляет собой нейтральную структуру, где связи между активными элементами носят характер нейтрального единства. Согласно методу динамического моделирования, познание как когнитивный процесс не представляет собой манипулирование символами, скорее это некая модель эволюции, включающая в себя в том числе и принципы возникновения когнитивных структур и порядка в целом. Динамическая модель, возникшая как альтернативная для философии сознания, наиболее часто и успешно применяется в естественнонаучном объяснении процессов познания. В случае с распознаванием аудиальных паттернов динамика может быть рассмотрена как процесс бифуркации, то есть сама последовательность звуков в сознании фиксируется именно как серия бифуркаций — воспринимая один звук за другим, сознание различает каждый тон как подобный предыдущему [4, 256]. Благодаря этому, то есть из повторяющихся актов фиксации подобия, возникает своего рода «регион распознавания».

Каковы же точки пересечения феноменологии и когнитивной модели? Если говорить о сообщаемости феноменологии и когнитивной модели, то первая будет ближе именно к динамическому анализу, утверждает автор, и отличается от компьютерного подхода. В том виде, в котором компьютерный подход отображает процессы познания, он нацелен скорее на подсознательные механизмы, чего нельзя утверждать о динамическом методе [4, 257]. Кроме прочего, Гельдер указывает на то, что теория Майнонга по структуре напоминает именно компьютерную модель, тогда как динамическая схожа скорее со схемой Гуссерля [4, 258]. Также как и у Гуссерля, динамическая модель нацелена на описание изменчивости, темпоральности сознания в схватывании и распознавании сменяющих друг друга фаз.

Что же когнитивная наука может сообщить феноменологии? Ее роль дополняющей модели, имея в виду, прежде всего, динамическую модель, заключается в объяснении характера протенции и ретенции для сознания времени. Существует несколько точек пересечения двух этих парадигм. Во-первых, динамическая интерпретация ретенции идентифицирует ретенцию с аспектом актуального (current) состояния системы, нежели с аспектом прошлого или будущего системы [4, 261]. Во-вторых, динамическая модель распознавания фиксирует не просто последовательность звуков, но и порядок направленности, то есть ретенция как направленность в прошлое может быть посчитана, — возможно рассчитать именно степень воздействия звука. Третий пункт заключается в том, что первичная импрессия, направленная на актуальную стадию темпорального объекта, является тем «моментом», который демонст-

рирует изменчивость системы. Первичная импрессия может быть идентифицирована как способ, которым система меняет направление под воздействием звука. То есть своего рода как координационный центр между ретенцией и протенцией [4, 261]. Четвертая возможность: динамические системы распознавания аудиальных паттернов непрерывны, как в смысле того, что пространство возможных состояний непрерывно, так и в смысле непрерывной смены состояний. Идея непрерывности доказывается и в идентификации ретенции, которая, как и в феноменологии, неотделима от первичной импрессии, являясь, таким образом, своего рода гарантией непрерывности [4, 262]. Пятая особенность, на которую указывает автор, состоит в том, что ретенция конечна, поскольку система не сохраняет произвольно влияние прошлых воздействий. Данная особенность аналогична шестой, согласно которой ретенция возникает непосредственным образом (*direct*), без дополнительных актов памяти или имажинации. Седьмое, резюмирующее обстоятельство, указывает на принципиальную невозможность рассматривать ретенцию как субстанциальное понятие (что вполне соответствует теории Гуссерля), — в случае, если ретенция имеет самостоятельный статус в восприятии, то есть становится восприятием прошлого отдельно от системы, динамическая модель сознания времени будет подобна «деревянному железу» [4, 262]. Все вышесказанное характерно и для протенции, то есть динамическая модель объясняет направленность на будущее также в смысле ее конечности, непосредственности и неотделимости от первичной импрессии, — модель не является моделью фиксации психологических состояний прошлого и будущего, но демонстрирует модель направленности на них.

Часть II. Проблема времени — живое настоящее, память, рефлексия

В качестве примера конкретных результатов синтеза феноменологии и когнитивистики примечательны разработки, представленные в ряде статей Франциско Варела. В частности, он являлся одним из авторов упоминаемой выше коллективной монографии «Натурализация феноменологии». В главе «*Обманчивое настоящее: нейрофеноменология сознания времени*» Варела критикует сложившееся в европейской культуре представление о времени, сформированное на основе метафоры линии или стрелы, типичной для представления о хронологическом времени. Опираясь на идеи Августина и В. Джеймса, автор доказывает, что опыт времени должен быть рассмотрен в иных схемах и не имеет только лишь линейной логики осуществления. Скорее время — это своего рода текстура, «ткань» (*texture*), которая доминирует в нашем существовании в значительной степени [8, 267]. Ключевой для понимания опыта времени остается трехуровневая структура темпоральности Гуссерля. Согласно ей, первый уровень — это уровень темпоральных объектов и событий, именно он ближе к понятию физической времени и повседневного представления. Второй уровень — получаемый с помощью редукции от первого уровень «имманентного» времени, «внутренняя» темпоральность актов сознания. И наконец, третий уровень, который является конститутивом для первых двух, «абсолютный поток», в котором отсутствует разделенность на внутреннее и внешнее. Соответственно, задачей нейрофеноменологии является доказательство ключевых элементов этой структуры.

В частности, Варела анализирует проблему длительности темпоральных объектов (первого уровня), демонстрируя трудности фиксации единства опыта восприятия времени. Длительность темпорального объекта может быть рассмотрена, по мнению автора, через опыт визуальной мультистабильности (*visual multistability*), которая иллюстрирует активность акта восприятия как такового посредством определенных оптических закономерностей. Сенсомоторная активность акта восприятия в свою очередь позволяет говорить о нейродинамике темпорального явления, то есть о комплексе функций мозга и органов восприятия, которые составляют своего рода «рамку» или «окно» одновременности, соответствующее длительности проживаемого настоящего [8, 270]. В случае же с актами сознания, то есть с особенностями второго уровня структуры, темпоральность как когнитивный акт в настоящем также

подобна акту визуального восприятия, в котором есть центр и периферия. Такого рода периферия, «просто прошлое» (just past), «поле» восприятия, рассматривается автором в сопоставлении с критикой Гуссерлем Brentano, осуществленной в самом начале лекций по времени десятого тома. «Периферия» не является памятью (также как и фантазией), не только с сугубо феноменологических позиций, но и позиций нейрокогнитивной верификации.

Феноменологические положения получают свое подтверждение и в вопросе о ретенции. Как и у Гуссерля, ретенция не отделима от первичной импрессии, то есть от акта в настоящем, однако Варела анализирует эту часть динамики восприятия времени, отталкиваясь от той же идеи мультистабильности, которая применима к темпоральным объектам. Мультистабильность является своего рода нейрологическим эквивалентом одновременности и непрерывности, обладая при этом динамикой, присущей любой функции сознания. Что касается третьего уровня, «абсолютного темпорального потока», то автор подробно останавливается на трудностях генетического анализа самого фундаментального аспекта феноменологии сознания времени. Двойная интенциональность, сплав активного и пассивного, генезис темпоральной формы — эти аспекты описания абсолютного потока не вполне понятны и у самого основателя феноменологии. Однако остается ясно то, что «поток» не имеет линейной структуры [8, 284], так же как и остальные два уровня. Геометрия конституирования времени очерчена вокруг центра, актуальности, «здесьности» (nowness), задающей все функции восприятия. В том числе и функцию аффективности, связанную, судя по всему, больше с характером протенции. Эмоция как возможный коррелят антиципации представляет интерес для нейропсихологического применения. Автор признает, что Гуссерль не анализировал сознание времени в сопоставлении с природой аффекта (в отличие от Канта, особенно с учетом хайдеггеровской интерпретации). Однако обратив внимание на поздние манускрипты, Варела указывает на возможность иного прочтения. В поздних исследованиях Гуссерль обращается к понятию инстинкта, анализу ассоциации и другим слоям глубинной психологии, в том числе и в контексте опыта времени [8, 289].

В итоге, вывод, который делает автор главы, исходя из анализа всех трех уровней структуры сознания времени, сводится к следующему — «феноменологическое значение структуры опыта и ее двойника в когнитивной науке соотносимо через взаимные (reciprocal) ограничения» [8, 295].

Аналогичный вывод Франциско Варела делает и в другой своей статье, посвященной проблеме настоящего. Работа «*Сознание настоящего-времени*», опубликованная в Journal of Consciousness Studies в том же году, что и коллективная монография, структурно повторяет авторскую главу в «Натурализации феноменологии». В ней ставится задача доказать взаимодополняющие функции феноменологии и когнитивной науки на примере анализа времени, в том числе как взаимоопределяющие [9,112]. Темпоральность оказывается одним из случаев для эмпирической проверки абстрактной теории, где нейрофеноменология включает в себя опыт проживания времени и его биологический базис. В терминах Варела, «тройная тесьма» (triple-braid) нейрофеноменологии не является простым примером эмпирического соответствия или категориального изоморфизма. Три конститутива «переплетаются» в анализе опыта непосредственного переживания времени — (1) нейробиологический базис, (2) формальный дескриптивный инструмент, главным образом производный от нелинейных динамик и (3) природа прожитого темпорального опыта, изученного посредством редукции [9,137]. Автор выражает убеждение, что такое рассмотрение опыта времени является существенной инновацией по нескольким причинам. Во-первых, такая схема позволяет разрешить когнитивный парадокс прошлого и настоящего, который исчезает благодаря ретенции. Во-вторых, нейрофеноменология позволяет решить конститутивный парадокс, то измерение, которое наименее объяснимо в анализе времени [9,138]. Так или иначе, но синтез феноменологической редукции и нелинейных моделей динамики предлагает принципиально новое прочтение опыта времени как с теоретических, так и эмпирических позиций.

Другая работа Варела, написанная в соавторстве с Натали Депра (Natalie Depraz), посвящена проблеме аффекта в структуре опыта времени. Статья «*У истока времени. Валент-*

ность и конституциональная динамика аффекта» была опубликована несколько позже двух предыдущих и развивает их идеи относительно проблемы конституирования темпоральной формы. Авторы воспроизводят обширную феноменологическую традицию — в частности, идеи Шелера, Хайдеггера, Мерло-Понти, Левинаса — в которых аффекту как таковому и аффектации придается конститутивное значение. Тезис Варела и Депра заключается в том, что аффект формирует время на до-рефлексивном уровне и заданная им структура остаются и в опыте рефлексии, на осознанном уровне [7, 62]. Поскольку тематика аффекта сама по себе насчитывает длительную историю как в философии, так и в эмпирических исследованиях, то важно выделить именно тот до-предикативный слой, который влияет на когнитивные процессы. Опираясь на работы Гуссерля, в том числе на поздние манускрипты, авторы утверждают, что эмоция не является лишь «окраской» опыта, более того, эмоция (аффект) имманентна любому акту переживания, неотделима от любого ментального акта. Именно аффект задает структуру опыта времени, поскольку фундирует последовательность и интенсивность переживаний (с психологической точки зрения), то есть динамику функций сознания (с точки зрения эмпирического анализа), генетику самосознания (в феноменологическом рассмотрении). Соответственно, задачей объяснения «истока» времени является анализ динамической структуры живого настоящего в его аффективной оси и прямого последующего результата (after-effect), который авторы называют микро-темпоральностью (micro-temporality) [7, 66]. Данная задача осуществляется в выявлении своего рода движущей силы опыта, эмоции как движения (e-motion), инстинктивной интенциональности в терминах Гуссерля (Triebintentionalitaet). Будучи почти биологического свойства, аффект обладает, например, валентностью — изначальным (primordial) конституированием само-аффектации как динамической полярности, как манифестации напряжения между полюсами, диспозицией удовольствия-неудовольствия [7,70]. Диспозиция многократно изучена эмпирическими способами анализа, начиная с дарвиновской теории и бихевиоризма, но именно в сочетании с генетической феноменологией становится завершенным сам механизм «происхождения» времени.

Еще более показательна в этом отношении работа, выполненная совместно с Шоном Галлахером «Перерисовка карты и перенастройка времени. Феноменология и когнитивные науки», где авторы подчеркивают необходимость феноменологического анализа в системе когнитивных наук по нескольким аспектам. Несмотря на очевидные расхождения с задачами Гуссерля, которые отдаляют его метод от целей когнитивистики, натурализация феноменологии идет на пользу обоим направлениям³. Это происходит прежде всего за счет того, что и феноменология, и когнитивистика не представляют собой однородное методологическое направление, а складываются из разнообразных, тематически и методически разнонаправленных философских стратегий изучения сознания. Соответственно, точки пересечения «на карте» исследований человеческого опыта мышления во многом возникают благодаря нерешенным противоречиям, требующим новизны подхода. Так, по мнению авторов, минимум две возможности стоит учитывать в подтверждение вывода о пользе такого синтеза. Во-первых, все субъективные данные, которые получены в результате феноменологического анализа, могут быть рассмотрены как объективные и использованы наряду с другими данными эмпирических наблюдений (Нагель, Деннетт). Во-вторых, феноменология может быть использована как способ заполнить «пробел объяснения» между процессами мышления и физическими свойствами мозга, особенно когда речь идет о процессах сознания, для которых нет четкой физической локализации, или она малоизученна [3, 19].

Авторы называют три наиболее важные области исследований, в которых синтез феноменологии и когнитивистики наиболее продуктивен. Первой является область изучения физического, то есть телесности в философской смысле и нейробиологии в когнитивном. Феноменологическое различие между телом как организмом (Körper) и телом как феноменом

---

³ Подробнее об этом также в монографии «Феноменологическое сознание: Введение в философию сознания и когнитивные науки», освященной в первой части данного обзора.

(Leib), введенное Гуссерлем и Мерло-Понти, находит свое применение и в когнитивном анализе, хотя и в ином смысле. Телесность оказывается свойством сознания, и «воплощенное самосознание» — тем объектом, на который направлены взгляды и носителя рефлексии с позиций интроспективности, и независимого «третьего лица» эмпирических наблюдений [3, 22-23]. Второй подобной областью является познание Другого, разработанное в трудах Левинаса, Щютца, Шелера и других феноменологов, идеи которых позволили говорить об открытии «первичной интерсубъективности». Для изучения до-предикативного опыта, в том числе и в возрастной психологии, важна тематизация перцептивного, аффективного слоя мышления, благодаря которому у индивида формируются способы общения для другими людьми, начиная с их эмоциональной основы. «Первичная интерсубъективность» демонстрирует важность различных практик раннего возраста — эмоциональных, перцептивных, неконцептуальных — для развития личности [3, 24].

Наконец, третьей областью исследования является опыт времени. Авторы приводят данные когнитивных исследований шизофрении, в которых изучается роль рефлексии и механизм контроля над мыслительными процессами. Согласно модели Файнберга-Фритца, контроль является естественным сопровождением любого мыслительного процесса, так же как и усилие в следовании от одной мысли к другой. В случае с патологией и контроль, и усилие отсутствуют, теряется связь в последовательности. По Фритцу, усилие мысли существует как своего рода чувство усилия, однако осознанное волевое чувство усилия, которое он называет «интенцией мыслить». Такую интенцию Фритц приравнивает к осознанному контролю так называемой двигательной копии (*efference copy*) [3, 27-28]. Последний термин является проблематичным с феноменологической точки зрения, поскольку интенция не предполагает способность репрезентации имплицитно. Критика авторов данной статьи направлена и на то, что в приписывании сознанию интенциональности Фритц не учитывает темпоральную структуру, лежащую в ее основе. «Интенция мыслить» представлялась им как статичная модель, без учета «потока сознания», то есть без учета динамики мыслительных процессов.

Критикуя таким образом аналитические выводы Фритца, Галлахер и Варела приводят диаграмму времени Гуссерля, особое внимание уделяя структуре протенции, — именно протенция является тем элементом, который несет в себе функцию антиципации, соответственно, возможность прояснения «интенции мыслить». Интерпретируя Гуссерля, протенции присуща двойная интенциональность, то есть направленность как на (темпоральный) объект, так и на само осознание, например, в акте восприятия мелодии распознается не только последовательность звуков, но и последовательность актов сознания последовательности, — последнее как пассивный, пре-рефлексивный процесс. Иными словами, предвосхищая следующий момент в мелодии, сознание предвосхищает и само себя, Я остается осознаваемым и идентичным в следующий момент времени. В случае с шизофренией, этот механизм утрачен, поэтому следующий момент не антиципируется «автоматически», Я может переключиться на другой предмет, например, пациент может почувствовать себя другой личностью [3, 32-33]. Дополняя, таким образом, модель Файнберга-Фритца, авторы указывают на проясняющую роль феноменологии времени в анализе такого рода патологий — структура сознания темпоральна (динамична), более того, структура субъективности строится на основе системы темпоральных отсылок, элементы которых могут быть зарегистрированы эмпирически.

Специфика феноменологического понимания самосознания и характер допредикативного опыта, на которые опираются Галлахер и Варела, подробно разбираются в статье Дэна Захави «*Внутреннее сознание времени и пре-рефлексивное самосознание*». Захави указывает на особенности тематизации сознания времени в рамках феноменологического смысла характера рефлексии и осознанности. Многие современные критики Гуссерля (Франк, Глой, Генрих) справедливо замечали, что понятие самосознания мыслится им как рефлексивное, то есть в рамках рефлексивно-теоретической парадигмы. Однако следует учитывать, что под самосознанием не подразумевается картезианская конструкция, соответственно, рефлексия также не понимается как дополнительный или вторичный акт, рефлексия есть само-данность

сознания, субъективный опыт данности сознания [10, 160-161]. Такой минималистский взгляд не умаляет сложности описания, поскольку целью оказывается способ данности, способ явленности объекта сознанию и сознания как «объекта». Терминологически различие в том⁴, что интенциональный объект воспринимается, а акт переживается, но и тот, и другой уровень подвергается рефлексии. Самосознание оказывается в этом случае типом так называемого «внутреннего» восприятия, которое зачастую выступает как синоним рефлексии. Целью феноменологического описания является так или иначе описание различий видов актов сознания, и их способов данности, рефлексия же (как акт) мотивирована аффектацией, строго говоря, само-аффектацией.

Ключевой пункт феноменологии времени состоит в том, что именно акт рефлексии структурирует временные горизонты — сознание времени «начинается» актом рефлексии, который фиксирует само-данность сознания [10, 163-164], рефлексия есть то «живое настоящее», которое определяет границу между прошлым и будущим в темпоральном потоке. Темпоральный поток как таковой дан как пре-рефлексивное самосознание, не как объективное время, а как уровень аффектации, или, как указывает Захави, как «экстатическое единство» [10, 173] ретенции-первичной импресии-протенции.

Возможность интерпретации феноменологии времени Гуссерля с учетом новейшей критики предпринимает и Галлахер в монографии «*Чрезмерность времени*». Его замысел нацелен на исчерпывающую экспликацию всех аспектов феноменологической традиции, начиная с эмпиризма Локка и заканчивая диаграммой Гуссерля, которые получили применение в когнитивных науках и аналитической философии сознания. Идея интерпретации феноменологии времени Гуссерля охватывает и развитие его положений в трудах Мерло-Понти, Хайдеггера, Щютца и других сторонников феноменологического метода. Галлахер указывает на то, что после Гуссерля его анализ сознания не только послужил примером концептуализации всей предыдущей философии времени, но и способствовал критике философии субъекта. Деконструктивная критика постструктурализма (Деррида, Левинас, Лиотар) была направлена не на отдельные аспекты метода, но на саму субъект-объектную парадигму, которая была имплицитно задействована Гуссерлем в том числе и в анализе времени.

В пост-феноменологической философии интерпретация Гуссерля ведется с учетом проблемы интенциональности, которая считается центральной не только для экспликации опыта времени. Из множества подходов в рамках аналитической философии и философии языка наиболее близкими к феноменологии оказываются идеи Джеймса и МакТаггарта. Параллели между психологией Джеймса и внутренним сознанием времени проводились еще во времена Гуссерля, который, как известно, был хорошо знаком с «Принципами психологии». Общим пунктом считается акцент на специфике внутреннего восприятия и идентичности субъекта, которые рассматриваются через свойство непрерывности [2, 33]. Кроме того, на это Галлахер особо обращает внимание — понятие «обманчивого настоящего» (*specious present*) Джеймса вполне может быть применено к экспликации сознания времени, в той степени, в которой может быть оправдана идея измерить «настоящее» [2, 54-55]. В этой связи оказываются интересными не только общеизвестные философские интерпретации идеи «живого настоящего», но и попытки когнитивистов в буквальном смысле измерить присутствие. Так, автор приводит выводы И.Миллера, с позиций когнитивной психологии открывшего принципы одновременного сознания в феноменологическом опыте [2, 62-63].

Что касается аргумента МакТаггарта, то его доказательство нереальности времени также оказывается вполне совместимым с анализом Гуссерля, хотя основатель феноменологии не задавался напрямую вопросом о реальности времени. Но оба исследователя исходят из критики объективного времени. Последовательное доказательство МакТаггарта нереальности времени путем доказательства нереальности всех его сущностных предикатов — прошлого, настоящего, будущего — с аналитических позиций демонстрирует зыбкость традиционных представлений об объективном времени и об онтологической реальности времени

---

⁴ В данном случае Д. Захави ссылается на «Логические исследования».

как такового [2, 55-56]. Как и у Гуссерля, время у МакТаггарта имеет субъективный характер, а его осознанное восприятие можно условно представить как две серии, А-серия и В-серия. А-серия терминологически и концептуально включает отношение «прошлое-настоящее-будущее», а В-серия — отношение «раньше-позже». Они не пересекаются, то есть «прошлое» — это не «раньше», так как, например, события в прошлом могут быть рассмотрены на линейке В, что не делает их фактами будущего. Иными словами, А-серия понимается как свойство изменения, становления, тогда как В-серия — это перманентный порядок временной последовательности, зафиксированное хронологическое время. Так, исторические факты невозможно изменить, но можно отличить друг от друга на шкале «раньше-позже» [2, 86-87]. У Гуссерля, как считает Галлахер, задействованы обе эти серии, и потому его диаграмма допускает самые широкие возможности для интерпретации — от приписывания интенциональности характера направленности на Другого (глава седьмая освещаемой монографии) до измерений субъективных данных когнитивными количественными методами (в частности, измерения памяти).

Сама идея «чрезмерности» времени, задающая тон всему исследованию, также исходит из аргумента МакТаггарта, парадоксальным образом. Доказывая нереальность объективного времени, философ смещает акцент на то, что вся сфера субъективности оказывается фундирована темпоральностью. Из чего Галлахер делает вывод о том, что любой тип интенциональности — социальной, психологической, языковой, культурной — оказывается структурированным временным порядком. Время не нереально, а наоборот, чрезмерно [2, 172-178]. Субъективность, тем самым, есть та «реальность» времени, без которой оно не было бы познано. Реальность конституируется как до-ноэтический эффект, включающий в себя все возможные интерсубъективные и культурные корреляты. Каковы возможные выводы такой интерпретации? Апории, возникшие после Гуссерля, можно решать путем исследования всех тех типов интенциональности, которые демонстрируют (и продуцируют) чрезмерность темпорального, расширяя, таким образом, этот эффект. Но автор указывает и на другую стратегию — реальность времени в принципе не измерима, и когнитивные методы, и социально-культурные корреляты не могут охватить все герменевтические возможности. Дискурс времени подобен «машине Джойса», которая представляет собой многомерность и изменчивость производимых интенций, сознание само порождает время как множество собственных попыток создания субъективности. — Данный вывод, следует заметить, был сделан Галлахером не только с учетом результатов феноменологического анализа и когнитивных измерений, но и во многом под влиянием постструктурализма.

В исследованиях феномена субъективного времени важны также эмпирические интерпретации, позволяющие изучить темпоральность на нейробиологическом уровне. Так, современный канадский нейропсихолог Эндель Тульвинг предлагает понятие «*хроностезии*» для обозначения нейрокогнитивной функции головного мозга, отвечающей за индивидуальное ощущение субъективного времени [6, 310-311]. Тульвинг различает общие нейрокогнитивные способности мозга и их отдельные функции. Например, способность видения объектов (*object vision*) проявляется в функции зрения по отношению к объектам (*seeing objects*), видения движения (*motion vision*) — в распознавании движения (*seeing movement*), способность эпизодической памяти — в функции воспоминания опыта. По Тульвингу, ноэтическое сознание выражается в функции осознания мира (*awareness of the world*), «аутоноэтическое» (*autonoetic consciousness*) — в функции осознания себя во времени, а хроностезия — в функции осознания субъективного времени [6, 312]. И ноэтическое сознание, и аутоноэтическое, имеют дело с осознанием опыта, что означает для интерпретации Тульвинга, феноменологическими аспектами осознанности, сопровождающей работу памяти. Их различие, однако, в том, что ноэтическое сознание связано с так называемой семантической памятью, то есть знанием о мире и фактах мира, не обязательно связанных с личным опытом. Тогда как аутоноэтическое сознание — с эпизодической памятью, то есть со способностью воспроизводить факты личного опыта в прошлом [6, 313]. Также существует различие между сознанием (*consciousness*) и осознанием (*awareness*), во втором случае необходимым образом речь идет

о направленности на нечто, то есть осознание интенционально. Хроностезии присущи все свойства сознания, поскольку она является одним из его видов. Соответственно, хроностезия как способность осознания субъективного времени — это своего рода чувство времени, доказанное поведенческими и когнитивными проявлениями. Из данных по изучению темпоральных процессов мозга хроностезия ближе всего к так называемому «чувству будущего» (future thinking), способности мышления о будущем (планирование, предвосхищение, ожидание), в том числе в возрастной психологии [6, 315].

Э.Тулвинг приводит данные по нейроанатомическим соответствиям и тем нарушениям, которые возможны на почве неправильного функционирования соответствующих ощущений субъективного времени участков мозга. Хроностезия локализуется в префронтальной коре головного мозга, но помимо нейробиологического значения, идея хроностезии имеет для автора еще и общекультурное значение, а точнее, выступает как один из механизмов эволюции культуры. Примечательно, что под культурой Тулвинг понимает все различия мира (абстрактное/конкретное, материальное/виртуальное), существующие как результат вмешательства человека. Хроностезия же как ориентация-на-будущее, как «взгляд вперед» была тем движущим фактором, по гипотезе ученого, который позволил в процессе эволюции мозга достичь уровня *Homo sapiens* [6, 321].

Как автор многолетних исследований по нейропсихологии памяти, Э.Тулвинг разработал классификацию видов памяти, основанную на принципе ориентации во времени. В работе «*Нейрокогнитивные процессы человеческой памяти*» мы находим результаты исследования, подтверждающие его выводы. По Тулвингу, память может быть рассмотрена как функция ориентации на прошлое и как функция, ориентации на будущее, притом большая часть видов памяти относится к последнему принципу [5, 263-264]. Вид памяти, названный автором эпизодическим, отличается тем, что воспроизводит осознание прошлого опыта и способности воспоминания данного опыта эмоционально⁵. Тогда как «проскопическая» (proscopic) память объединяет функции, ориентированные на будущее, и является также формой способности к обучению, к воспроизведению информации, полученной в настоящем [5, 266]. Данный вывод становится возможным после наблюдений за пациентами, страдающими амнезией эпизодической памяти — они усваивают информацию, даже если не были знакомы с ней в прошлом и не помнят прошлый опыт, с ней связанный. Нейробиологическое изучение памяти необходимым образом основывается на практике медицинских наблюдений (амнезия определяется через повреждение участков мозга), но в результате память оказывается типом осознанности, — в терминологии Тулвинга, ноэтическим (ориентированная на будущее и настоящее) или аутоноэтическим (ориентированная на прошлое, эпизодическая).

В заключении необходимо указать и классический для количественных исследований памяти труд — «*Ассоциативная память*» Т. Кохонена, не теряющий своей актуальности особенно для отечественных исследований. Системная модель ассоциативной памяти построена на структуре отношений как ассоциаций внутри передачи информации. Метод учитывает биологическую основу памяти и ее возможный перенос на кибернетическую модель [15].

Часть III. Сравнительный анализ российских и зарубежных исследований.

Выводы

Таким образом, развитие данной темы мы находим в основном у зарубежных ученых. Фактически, российское состояние междисциплинарного взаимодействия феноменологии и когнитивных наук оказывается в начальной стадии. Справедливости ради необходимо отме-

---

⁵ Так, например, испытуемый, страдающий амнезией эпизодической памяти, может знать, что у него была машина, какого она была цвета, марки, но не помнить, как он на ней ездил, то есть не помнить собственный эмоциональный опыт прошлого, в том числе и травматический. Подробнее: Тулвинг Э. Что такое эпизодическая память? // Когнитивная психология: история и современность: хрестоматия / под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. М., 2011. С. 295-302.

тять, что когнитивные исследования как таковые обретают популярность в России в последние годы и имеют определенное количество результатов, пусть и не сравнимое с западными направлениями, которые возникли еще в шестидесятые годы двадцатого века. Но основной объем исследований приходится отнюдь не на философию, а чаще всего, на когнитивную психологию и прикладные области изучения мозга человека. Так, признанными являются разработки Б.М. Величковского, Л.М. Веккера [12], а также инициативы молодых ученых [14]. Когнитивная психология обладает своей историей, фактически анализ сознания ведется без междисциплинарного взаимодействия с философией. С другой стороны, феноменология, которая является одним из наиболее влиятельных направлений постсоветского научного пространства, также не включает в арсенал своих возможностей синтез с когнитивными исследованиями. Яркий пример тому — монография ведущего специалиста в области феноменологии времени В.И. Молчанова [13], в которой решение феноменологических задач и дальнейшее развитие феноменологии мыслится только исходя из внутренних принципов метода.

Разумеется, для новейшей зарубежной философии также характерны разнонаправленные тенденции относительно задач философского анализа времени и смежных с ним областей знания. Однако в рамках освещаемой темы представляется возможным обозначить несколько общих принципов состояния рассмотренных исследований, с целью обозначить выводы в перспективах синтеза феноменологии и когнитивных наук:

1. Большинство исследований посвящено именно феноменологии Гуссерля, хотя и в сравнении с другими феноменологическими направлениями, что доказывает междисциплинарный и эпистемологический потенциал философии времени Гуссерля.
2. Авторы считают возможность сращивания феноменологии и когнитивных наук не способом взаимовлияния или противоборства различных методологий, а возможностью прояснения отдельных аспектов, без ущерба для целостности парадигмы. Так, идея натурализации феноменологии подразумевает взаимное определение границ метода и взаимное дополнение как один из сценариев для дальнейшего развития.
3. Влиятельной оказывается идея междисциплинарного анализа времени как научной категории, как фундаментального понятия в истории знания, требующего разносторонних подходов.
4. Аналогично предыдущему пункту, движущим мотивом оказывается идея междисциплинарного анализа субъекта, также требующая многогранности подходов и взвешенности выводов.
5. В фокусе внимания исследователей находится проблема настоящего, наиболее сложная в феноменологии внутреннего сознания времени, соответственно, дающая повод для множества интерпретаций.
6. Проблема рефлексии, не менее значимая, оказывается более эффективно применимой в тех количественных исследованиях, которые граничат с изучением психопатологий и психических болезней.
7. Проблема памяти в когнитивистике изучается скорее параллельно с феноменологией, лишь частично заимствуется терминология и вопросы субъективного восприятия.
8. Связующим звеном между феноменологией и когнитивными исследованиями оказывается философия сознания, в полемике с которой проясняются те или иные положения обоих направлений.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что синтез феноменологии и когнитивной науки является одним из перспективных направлений в изучении времени и для отечественных, и для зарубежных научных настроений. Несмотря на разнонаправленность и эклектичность современной философии, констатацию кризиса ее интеллектуальной культуры для научного сообщества, проблема времени, наряду с проблемой субъекта остается в фокусе философских интересов и имеет потенциал для дальнейшего развития.

Литература

1. *Gallagher S., Zahavi D.* The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. London: Routledge, 2008.
2. *Gallagher S.* The Inordinance of Time. Evanston: Northwestern University Press, 1998.
3. *Gallagher S., Varela F.* Redrawing the map and resetting the time // Phenomenology and the cognitive sciences. Canadian Journal of Philosophy Supplementary. 2003. Vol. 29.
4. *Gelder T. J. van.* Wooden Iron? Husserlian Phenomenology Meets Cognitive Science // Naturalizing Phenomenology: Issues in Contemporary Phenomenology and Cognitive Science / ed. by J. Petitot, F. J. Varela, J.-M. Roy, B. Pachoud. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 245-265.
5. *Tulving E.* Neurocognitive processes of human memory // Basic mechanisms in cognition and language / ed. by C. von Euler, I. Lundberg, R. Llinás. Amsterdam: Elsevier, 1998.
6. *Tulving E.* Chronesthesia: Conscious Awareness of Subjective Time // Principles of Frontal Lobe Functions / ed. by D.T. Stuss, R.C. Knight. New York: Oxford University Press, 2002.
7. *Varela F. J., Depraz N.* At the Source of Time: Valence and the constitutional dynamics of affect: The Question, the Background: How Affect Originally Shapes Time // Journal of Consciousness Studies. 2005. Vol. 12, No 8-10. P. 61-81.
8. *Varela F.J.* The Specious Present: A Neurophenomenology of Time Consciousness // Naturalizing phenomenology: issues in contemporary phenomenology and cognitive science / ed. by Jean Petitot, Francisco J. Varela, Bernard Pachoud, and Jean-Michel Roy. Stanford: Stanford University Press, 1999. Ch. 9. P. 266-329.
9. *Varela F.J.* Present-time consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1999. Vol. 6. No 2-3.
10. *Zahavi D.* Inner Time-Consciousness and Pre-Reflective Self-Awareness // The New Husserl: A Critical Reader / ed. by Donn Welton. Bloomington: Indiana University Press, 2003.
11. *Zahavi D.* Subjectivity and selfhood: investigating the first-person perspective. 2003.
12. *Веккер Л.М.* Психика и реальность. Единая теория психических процессов. Гл. 20. Память, воображение и внимание. М.: Смысл, 1998.
13. *Молчанов В.И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1998.
14. *Печенкова Е.В.* Временные смещения при восприятии нескольких объектов // Культурно-исторический подход и исследование процессов социализации: материалы чтений памяти Л.С. Выготского (Москва, 15-17 ноября 2004 г.). Т. 2. М.: РГГУ, 2005. С. 294-304.
15. *Кохонен Т.* Ассоциативная память / пер. с англ. В.К. Быховского. М.: МИР, 1980.